

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.5.7>

УДК 338.12

ББК 65.01

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ: ПОИСК ИННОВАЦИЙ НА КОМПРАДОРСКОМ РЫНКЕ

Сидоров Виктор Александрович

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической экономики,
Кубанский государственный университет
sidksu@mail.ru
ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация

Болик Анастасия Викторовна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории,
Кубанский государственный технологический университет
kafecon@kubsu.ru
ул. Московская, 2, 350072 г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Формирование экономики, основанной на новой технологической базе, новом цикле научно-технического прогресса, предполагает вовлечение факторов инновационного типа развития. Среди них новая техника, технология, организация и мотивация труда, квалификация рабочей силы, менеджмент инноваций, интеллектуальный потенциал. Это, в свою очередь, предполагает широкое развитие изобретательства, появление пионерских и крупных изобретений, формирование новшеств, их распространение. В статье раскрывается проблема восприимчивости экономики России к инновационным методам производства. Рассмотрен социально-экономический фон модернизации отечественной экономики. Обосновано, что особую роль в использовании, согласовании и развитии факторов инновационного роста выполняет человеческий капитал. Выявлены проблемы формирования и развития человеческого капитала в современной России. Аргументирована необходимость формирования и анализа показателей состояния в стране социального капитала, в котором учитываются социально-политическая стабильность, законность и порядок, защищенность от коррупции, дифференциация доходов, взаимное доверие. Проведен критический анализ важнейших показателей, характеризующих инновационную активность предприятий, что позволило выявить факторы, способствующие и препятствующие ее повышению. Доказывается, что низкий уровень инновационной активности предприятий обусловлен недостаточным уровнем финансирования науки и образования, а резкие различия в неравенстве доходов тормозят развитие инфраструктуры инновационного процесса. Раскрыта (на примере зарубежного опыта) роль стартапов как эффективной структуры осуществления инновационной деятельности. Объективизированы параметры экономического роста, сделаны акценты на ресурсы инновационного развития.

Ключевые слова: бизнес, инновации, модернизация, инфраструктура, экономический рост, доходы.

На волне событий вокруг восточных областей Украины вдруг всем стало понятно, что настоящим друзьям у страны не так уж и много и что наши проблемы – это наши проблемы, никто, кроме нас, их не решит. Сразу вспомнилось безудержное падение производства в 1990-х гг., попытки что-нибудь исправить в 2000-х, призывы к модернизации и инноватизации экономики. Нельзя не признать, что некоторые сдвиги в этом направлении были, но уж больно какие-то вялые. Им не хватало масштаба и, главное, желаний собственника их осуществить. Если бы не давление правительства, они, возможно, вообще бы не случились. Возникает вопрос: почему так произошло, что новое в нашей стране с трудом пробивает себе дорогу, тогда как становление постиндустриальной стадии развития человеческой цивилизации способствует формированию особого типа развития экономики – экономики, основанной на новой технологической базе, новом цикле научно-технического прогресса? Это, в свою очередь, предполагает широкое развитие изобретательства, появление пионерских и крупных изобретений, формирование новшеств, их распространение. Попробуем понять, почему мы плетемся в хвосте событий и что тормозит движение вперед.

Инновационный тип экономического роста преимущественно интенсивен, но эта интенсивность совершенно иного порядка, носит комплексный характер, максимально результативна. В качестве факторов инновационного типа развития выступают различные ресурсы с совокупностью новых свойств. Среди них новая техника, технология, организация и мотивация труда, квалификация рабочей силы, менеджмент инноваций, интеллектуальный потенциал. Особую роль в использовании, согласовании и развитии факторов инновационного роста выполняет человеческий капитал. Эту функциональную особенность человеческого капитала отмечали многие исследователи, изучая его природу и связывая его деятельность с внедрением новшеств и осуществлением новых комбинаций ресурсов.

Сама концепция человеческого капитала была обоснована сравнительно недавно – в 1960-х гг. прошлого столетия [10]. Согласно ей под человеческим капиталом понимается имеющийся у каждого человека запас знаний,

навыков и мотиваций. Вложения в человеческий капитал существенно повышают его ценность, являются важнейшим фактором преобразования экономики, модернизации экономических институтов. Появление этой концепции перевернуло представление об экономическом развитии. Последнее представлялось уже не просто как повышение темпов роста экономики, а как гуманизация всего общественного производства, в рамках которого существенное внимание отведено ликвидации бедности, повышению уровня благосостояния, продолжительности жизни и т. д.

Население России – самое большое в Европе, однако его численность непрерывно сокращается: в 1992 г. – 148,6 млн чел., в 2005 г. – 143,2 млн чел., в 2010 г. – 142,9 млн чел., в 2013 г. – 143,7 млн человек. Продолжительность жизни мужчин составляет 64,6 года, что на 15–19 лет меньше, нежели в развитых странах. Продолжительность жизни женщин – 75,9 года, что на 8–14 лет короче [5], чем в западных государствах. Ничего обнадеживающего не приносят и прогнозы. Все они указывают на то, что население России будет продолжать сокращаться. В частности, по прогнозу ООН к 2050 г. численность населения страны сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30 % и составит 101,5 млн человек [12].

Общий социально-экономический фон не располагает к положительным выводам. Статистика до сих пор опирается на объемные показатели прошлого столетия: количество добытых нефти, угля, газа, заготовлено леса, выплавлено стали. То есть в основном акцент сосредоточен на количественных показателях экстенсивного порядка. Эти показатели теряют свою актуальность и вряд ли применимы сегодня. Современное развитое общество измеряет успехи социально-экономического развития не километрами, тоннами, кубометрами, а состоянием здравоохранения, культуры, продолжительностью жизни, доходами на душу населения. Все эти показатели составляют индекс человеческого развития. По этому критерию мы с 63-го места в 2003 г. переместились на 57-е место [11] из 177 наблюдаемых экспертами ООН стран.

Надо сказать, что и этих показателей недостаточно для сбора полной информации

о состоянии дел в экономике. Более информативны показатели социального капитала, в котором учитываются социально-политическая стабильность в стране, законность и порядок, защищенность от коррупции, дифференциация доходов, взаимное доверие. Подсчитать этот показатель достаточно трудно, но необходимо. Совершенно очевидно, что многие его составляющие у нас в плачевном состоянии. Вот характерные основные тенденции по отношению к социальному капиталу: постоянная утечка мозгов, бегство капитала, гигантская пропасть между всеми децильными группами, высочайший уровень коррупции, неверие в возможности государственной власти, экспортоориентированное производство. Разве можно в этих условиях говорить об экономике знаний, инвестициях в современные технологии, социальной стабильности, эффективности использования богатейших ресурсов?

Как следует из доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2013 г., лишь треть образованных граждан научились зарабатывать и, наоборот, только треть граждан, умеющих зарабатывать, достаточно образованы. Такое общество далеко стоит от идеалов стабильного и экономически эффективного социума, основанного на знаниях, где наличие высшего образования служит достаточно прочной гарантией занятости и относительно высоких доходов.

В условиях утверждения глобально-информационного уклада все более жесткими становятся требования к качеству рабочей силы. В современной мирохозяйственной конъюнктуре основным источником национального богатства становится интеллектуальный капитал. Американские экономисты рассчитали, что каждый их гражданин представляет собой вклад в национальное богатство США в среднем на сумму 250 тыс. долларов. Подсчитанный таким образом человеческий капитал составляет 76 % национального богатства США. Это в три раза больше, чем природные ресурсы страны, ее дороги, здания, станки, автомобили, акции, банковские вклады и все другие материальные проявления богатства страны вместе взятые. Близкие показатели от 75 до 80 % национального богатства имеют и другие развитые страны.

Применительно к 192 странам на долю накопленного материально-вещественного капитала приходится в среднем 16 % общего богатства, на долю природного капитала – 20 %, а капитала человеческого – 64 %. Для России эта пропорция выглядит как 14, 72 и 14 % [2; 6], что соответствует уровню развивающихся стран мира. Получается, что российский гражданин в среднем меньше зарабатывает, больше болеет и раньше умирает, чем европеец или, скажем, американец.

Из этого следует, что цель развития заключается не столько в расширении производства материальных благ, сколько в предоставлении человеку возможностей выбора, реализуемых в здоровом образе жизни, ее долголетию, свободном развитии интеллектуальных и творческих способностей. Таким образом, конечной целью развития является не уровень дохода, а расширяющийся человеческий выбор в области здравоохранения, образования, экономической и общественной деятельности. Следовательно, роль населения проявляется в качестве носителя интеллектуального потенциала общества. Она возрастает по мере продвижения к постиндустриальному обществу, в котором именно интеллект нации становится реальным двигателем и определяющим фактором прогресса.

В области формирования человеческого капитала в современной России накопилось множество проблем. Причем ключевую роль здесь играют западные концепции «экономики дешевого работника» и «экономически эффективного населения». Эти идеи усиленно реализуются на практике. В них не было бы ничего плохого, если бы не критерии «оптимизации», ориентирующие численность занятых в 50 млн человек [8]. Сферой их деятельности являются нефтегазодобывающие отрасли, лесохозяйственный комплекс и энергетика, равно как и обслуживающая их инфраструктура. Судьба остального населения рассматривается как дополнительная чистая нагрузка на экономику и никого не волнует. Если придерживаться указанной парадигмы, ясно, какая судьба уготовлена России.

К слову сказать, частично эта тенденция уже отмечена, качество российской рабочей силы имеет явно выраженную тенденцию к деградации. В основном это проявля-

ется в снижении интеллектуального потенциала населения, уровня его образованности, квалификационно-профессиональной подготовки, напротив, усиливается кризис социальных ценностей и нравов, начинает доминировать индивидуалистический прагматизм.

Современные модернизационные процессы прочно связаны с достижениями в приращении знания и его реализации через научно-технический прогресс, олицетворением которого являются инновации. Научные открытия практически мгновенно воплощаются во все вещественные элементы производства, в том числе в принципиально новые предметы труда, которые превратились в важный фактор инноваций. Средний срок освоения последних сократился кардинально. В период 1885–1919 гг. он составлял 37 лет, 1920–1944 гг. – уже 24 года, 1945–1964 гг. – 14 лет, 1990–2000 гг. – сократился до 4–5 лет, а в 2000–2011 гг. – упал до 3–4 лет. Важнейшим показателем, характеризующим инновационную активность предприятия, является доля средств от оборота, направляемая на финансирование НИОКР. Передовые мировые компании тратят на НИОКР 7–12 % от своей выручки. Для крупнейших мировых корпораций это составляет несколько миллиардов долларов в год. На российских предприятиях этот показатель, как правило, составляет 0,5–3 % от выручки [8]. Подобное положение дел объясняется не только сложностями с привлечением финансирования и недостатком собственных средств, а в первую очередь тем, что наши компании еще не конца осознали принципиальную важность инноваций как залога существования компании в будущем.

В России стимулы инвестировать в науку для частных фирм остаются ограниченными, прежде всего из-за проблем в деловой среде. Кроме того, обнаружили трудности в привлечении квалифицированного труда – за последние годы качество образования и подготовки кадров не улучшилось, в отдельных случаях оно даже ухудшилось. Качество управления остается на низком уровне, притом весьма неравномерном по отношению к отраслевому бизнесу. Еще одним моментом, дестабилизирующим ситуацию, является недостаточность инвестиций в сырьевой сектор экономики, хотя важную роль в модели

инноваций, основанной на копировании, обычно играют иностранные компании в сотрудничестве с местными фирмами.

В плане разработки инновационных идей наши компании в целом идут в русле мировых тенденций: снижается доля научно-исследовательских институтов; усиливается влияние в науке учебных заведений; российские предприятия стали приобретать больше лицензий; многим предприятиям удалось кардинально сократить сроки разработок.

Инновационная политика присутствует не более чем на каждом пятом предприятии: инновации в совершенствование продукта, как правило, носят вынужденный характер и заранее не планируются. Инновации в создание нового продукта слишком часто бывают случайными. Политика инноваций, направленная на расширение модельного ряда, создание нового поколения продукта, встречается наиболее редко. Это объясняется тем, что компании, думающие о развитии бизнеса, слишком часто увлекаются диверсификацией; предприятия, озабоченные проблемами выживания, занимаются поддержанием существующих разработок.

В дорыночной экономике инновационная система страны полностью финансировалась государством. Эта тенденция сохранилась и сегодня – из общего объема инвестиций на государственный сектор приходится примерно 75 %, это намного больше, чем в типичной стране с формирующимся рынком или развитой экономикой. Мало внимания уделяется востребованности исследований рынком – инвестиции осуществляются исходя не из результатов инноваций, а из численности персонала, занятого их разработкой. Примерами стран, где инновационная деятельность осуществляется (в основном) силами динамичных стартапов, служат Израиль и США, где базисом успехов выступает благоприятная деловая среда и доступ к специализированным источникам финансирования. Это обеспечивает порядка 70 % ежегодного экономического роста. При этом компании этих стран тратят до 20–25 % чистой годовой выручки на создание своих товаров, их улучшение или модернизацию производственных возможностей.

Сегодня значительная часть поддержки отечественных инновационных подсистем

управляется бизнесом. Это обстоятельство усложняет формирование национальной инновационной системы и предъявляет новые требования к соответствующему законодательству, призванному создать такие условия, чтобы производство стало чувствительным к достижениям науки, новым идеям и получило возможность выпускать конкурентоспособную продукцию. Однако бизнес не в состоянии в полном масштабе стимулировать инновационную деятельность. Это касается как фундаментальных, так и прикладных исследований. К тому же российский бизнес не обеспечивает прозрачности самих исследований и их результатов.

Следует учитывать тот факт, что наиболее эффективно инновационная деятельность формируется в классах предприятий большой размерности с численностью рабочей силы, превышающей 1 000 человек. В этих организационно-экономических структурах затраты на технологические инновации составляют около 80 %, а их удельный вес среди предприятий, производящих инновационную продукцию, достигает 90 %. К сожалению, эти предприятия инновационно пассивны. По ряду показателей инновационной деятельности они имеют даже отрицательную динамику. Наоборот, опыт российского хозяйствования показывает, что наиболее активны в инновационном плане малые и средние предприятия. Здесь относительная доля производства инновационной продукции почти в два раза больше, нежели в среднем по стране. Сама продукция более наукоемка, а ее жизненный цикл короче. Однако их доля в выпуске инновационной продукции чрезвычайно мала. Объясняется это незначительным количеством малых предприятий в структуре российской экономики. Это обстоятельство ведет к угасанию темпов общероссийской инновационной деятельности [8].

Преодоление указанной тенденции видится в наращивании производства и передачи знаний. Потенциал нашей страны здесь достаточно велик. Россия по индексу инноваций занимает 34-е место в мире [1]. В последние годы наметился повышенный интерес мирового научного сообщества к результатам российских исследований. Причем их экспорт на несколько порядков превышает импорт.

Однако на фоне высокого качества научной продукции масштабы научно-исследовательской и прикладной деятельности оставляют желать лучшего. Продолжает сокращаться число научных публикаций в ведущих научных изданиях, снижается обеспеченность научной деятельности, плохо обстоят дела с финансированием, низка изобретательская активность, инертна инновационная деятельность отечественных предприятий. Доля исследователей, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, сократилась с 15,2 % в 1991 г. до 12 % в 2013 году. Причем половина из них в 2014 г. перешагнула за 50-летний возраст, из которых более 56 % – доктора наук в возрасте, превышающем 60 лет. Вероятно, поэтому с продвижением инновационных технологий в реальный сектор получается плохо. По индексу конкурентоспособности Россия занимает 64-е место в мире [7].

Просматривается интересная тенденция. Все больше наукой, и даже фундаментальной наукой, начинают заниматься учебные институты. Это соответствует мировой практике. За рубежом достаточно часто крупные корпорации проводят фундаментальные исследования совместно с учебными институтами. Также значительная часть фундаментальных исследований в развитых странах проводится компаниями совместно, а прикладными разработками они занимаются уже самостоятельно. Это объясняется тем, что фундаментальные исследования требуют больших капиталовложений с очень длительным сроком возврата.

Наша задача – соединить сектор знаний с реальным сектором, превратив трансферт знаний в фактор развития экономики. Инновации, как эволюционный процесс, не поддаются мгновенному директивному запуску, из чего следует важная роль и значение подготовки людей, их образования и воспитания в целях изменений. Именно поэтому одним из важнейших элементов современного инновационного общества является инновационная грамотность и культура, которые в свою очередь предполагают особую политику, свои стратегические ориентиры. К принципиальной составляющей инновационной культуры следует отнести трудовую мораль. Исключительный пример представляет Япония, где всеобъемлющим

является постоянное совершенствование знаний во всех областях и на всех уровнях.

Базу инновации образуют изменения, происходящие в технике, управлении, социальных позициях, культуре. В основе технических инноваций лежат перемены в технике, организационных инноваций – организационные перемены, социальных инноваций – перемены в социуме. В чистом виде инновации практически никогда не выступают – здесь приходится иметь дело с некоторым социально-культурным и организационно-техническим инвариантом, содержание которого характеризует потенциальное поле данной конкретной культуры в виде некоторого скаляра-инварианта.

Отсюда следует очевидный вывод о невозможности трансляции отдельных граней инновационного процесса из одной социокультурной действительности в другую. Допустим лишь перенос некоторого рода инвариантов, связанных с особенностями жизнедеятельности людей. Последнее, например, задало методологическую базу ускоренного развития новых индустриальных стран, таких как Индия и Бразилия. Основы перевода этих стран на новые рельсы прорабатывались на одновременном использовании множества самых разных видов знания.

Научные исследования оказывают на инновационную деятельность, как правило, лишь косвенное воздействие. Наука не определяет динамику инновационного процесса и не является первым звеном этого процесса. Она должна располагать потенциалом, адекватным потребностям развития, и только. Инновационная идея рождается не в научной сфере, а в сфере общественного потребления, основой которого являются общественные потребности. Поэтому инновационный процесс не только завершается на рынке, но им и порождается.

Основные проблемы российского бизнеса в области инновационного развития упираются в типично перестроечные явления. Во-первых, для многих компаний источником инноваций служат собственные средства. Банковские кредиты в качестве мультиплицирующего фактора рассматриваются крайне неохотно и в полном объеме не используются. Поскольку собственных средств хронически не хватает, следовательно, качество инновационного процесса ухудшается. Во-вто-

рых, альтернативные источники финансирования разработок используются недостаточно. В структуре инновационных разработок чрезвычайно низка доля совместных разработок, финансирования разработок покупателем конечного продукта, разработок по государственным инновационным программам. В-третьих, большинство отечественных предприятий по своим масштабам существенно уступают зарубежным аналогам. Результатом является то, что они изначально не имеют возможности инвестировать в научно-исследовательские разработки средства, сопоставимые с теми, которые используют в этих целях японские или американские корпорации. В-четвертых, в нашей стране практически исчерпаны производственные мощности для роста – баланс положительных мощностей в промышленности, под которым понимается разница между избытком и недостатком, составляет всего 6 % [7]. В то же время вклад ценового фактора в ВВП 2013 г. составил 11 %, или более чем 60 млрд долларов [там же]. Это обстоятельство указывает на отрицательный вклад экономической политики правительства в динамику развития страны.

Если верить данным официальной статистики, за период с 1995 г. реальный ВВП страны вырос чуть ли не вдвое. Насколько реален этот цифровой рост? Согласно закону Харрода – Домара темп экономического роста прямо пропорционален объему инвестиций и обратно пропорционален капиталоемкости продукции. Это означает, что каждый процент роста имеет свою инвестиционную цену, то есть без опережающего роста капитальных вложений систематический рост экономики устойчивыми и достаточно высокими темпами невозможен. Поскольку в материалах официальной статистики в полном объеме таких данных обнаружить практически невозможно, обратимся к динамике инвестиций в основной капитал, которая, как известно, имеет отрицательный тренд «инвестиционного обеспечения» экономики, что заставляет задуматься о факте происхождения роста ВВП в реальном выражении.

Следующий вопрос, вытекающий из факта роста реального ВВП, касается производства капитальных товаров. Почему на фоне роста ВВП не изменилась к лучшему возрас-

тная структура оборудования? Если в советское время она составляла 8–10 лет, то сейчас увеличилась до 20 лет, а по ряду производств перевалила за тридцатилетний рубеж [7].

Характерным примером является то, что в течение каждой советской пятилетки в строй вводилось 1,5–2,0 тыс. крупных промышленных предприятий [3], которые и ныне представляют гордость российской индустрии. За все годы реформ построено считанное число промышленных предприятий, преимущественно перекачивающих нефть и газ станций, введены в действие два крупнейших нефте- и газопровода. Налицо техническая деградация производства.

Другой частью ВВП являются потребительские товары и услуги. Если бы их рост был реален, то он нашел бы отражение в натуральных показателях: росте производства предметов широкого потребления и сельскохозяйственной продукции, увеличении продаж продуктов питания и их потребления в расчете на душу населения. Однако имеющиеся статистические данные не обнаруживают положительных моментов в этой области. Не видно этого и в сфере услуг. Правда, статистика говорит о росте личных доходов. Интересным было бы выяснить: доходы какой части населения растут? Некоторый ответ на поставленный вопрос дают динамика среднемесячной заработной платы в Российской Федерации по видам экономической деятельности и распределение объемов денежных доходов по группам населения. Из ее оценки следует, что, несмотря на кажущийся рост средней цифры, наиболее высокий уровень заработной платы приходится на финансовую деятельность и добычу полезных ископаемых, в которых занято только 3,7 % трудоспособного населения [7]. Обращает на себя внимание тот факт, что государственное управление по численности занятых более чем в пять раз опережает каждую из них.

Распределение денежных доходов по группам населения ярко демонстрирует неравенство в их распределении, достаточно часто ассоциирующемся со справедливостью. Сама же справедливость, часто понимаемая как всеобщее равенство доходов и даже равное бесправие, занимает высокое

место в шкале ценностей. И в то же время отсутствие регулятора справедливости часто ведет к большей несправедливости, имущественному расслоению, препятствуя модернизации. Считается, что значение коэффициента Джини $\geq 0,4-0,5$ является критерием неустойчивости имеющихся в стране социально-экономических и политических институтов. Сложившийся к настоящему времени уровень этого показателя в России (0,422) показывает, что наше общество не сумело договориться об общих правилах и вынуждено компенсировать их отсутствие личными взаимоотношениями, жесткими правилами и виртуальной связью каждого с покровителем. Таким образом, созданное в стране неравенство в распределении самым трагическим образом сказывается на положении российского населения. Об этом свидетельствует и резкое ухудшение по сравнению с советским периодом показателей как уровня потребления, так и естественного движения населения.

Дополнительный штрих в легенду об экономическом росте вносит ситуация с научно-техническим прогрессом, качественную сторону которого в нашей стране демонстрирует динамика основных показателей инновационной деятельности: сегодня доля расходов на науку составляет 0,56 % к ВВП и весьма далека от уровня 1992 г., хотя и тогда она была значительно ниже, чем в развитых странах. При этом расходы на фундаментальные исследования сократились до 38 % по отношению к общим расходам на науку, хотя еще в 2002 г. они составляли 52,5 % [7].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в России отсутствует инфраструктура инновационного процесса, которая бы запустила механизм распространения инноваций среди широкого круга предприятий. Наверное, можно говорить и о том, что в стране мало хороших научных идей, новых знаний, которые можно превратить в коммерческий продукт. Это обусловлено не только низким числом организаций, осуществляющих технологические инновации (9,9 % – добывающие и обрабатывающие производства, 8,0 % – организации связи), ничтожной долей инновационных товаров в общем объеме выпуска

(7,8 % – добывающие и обрабатывающие производства, 9,6 % – организации связи), низким уровнем затрат на инновации (1,8 % – добывающие и обрабатывающие производства, 8,5 % – организации связи) [7] и даже не отсутствием положительной динамики инвестиций в наукоемкую и инновационную продукцию. Беспokoит явно выраженная тенденция преимущественной поддержки сырьевых отраслей. Оказывается, в последние годы темпы финансирования добывающих отраслей только нарастают и к 2014 г. вдвое превзошли аналогичный показатель в обрабатывающем производстве.

Позиции отраслевой генерации инновационных товаров, работ и услуг остаются чрезвычайно низкими. Более того, за период 2009–2013 гг., несмотря на масштабные достижения российской науки, они в целом имеют негативный тренд. Если обрабатывающие производства примерно находятся на одном уровне внедрения инноваций, то в добывающих отраслях спад инновационной активности составляет до 50 %. Если учитывать то обстоятельство, что наша экономика почти целиком зависит от результативности деятельности топливно-сырьевого комплекса, ситуация выглядит малопрспективной. Отсюда следует, что институт предпринимательства если не потерял связь с наукой, то мало интересуется ее достижениями для использования их в практической деятельности.

Более детальное знакомство с ситуацией показывает, что распределение организаций по оценке целей инвестирования в основной капитал демонстрирует совершенное безразличие отечественного бизнеса к модернизации производства. Практически все показатели качественной характеристики этого аспекта хозяйственной деятельности имеют устойчивую тенденцию к снижению. Особенно обращает на себя внимание отсутствие какой бы то ни было заинтересованности производителя в повышении эффективности производства за счет внедрения новых производственных технологий и снижении себестоимости продукции. Некоторые международные сравнения тоже не в пользу нашей страны. По содержанию общественного труда Россия существенно отстает от развитых стран. В настоящее время новые знания в

развитых странах обеспечивают свыше 75 % прироста ВВП. В России экономики знаний практически не видно. Если в Италии, Испании и даже Португалии инновационная продукция занимает в ВВП страны от 10 до 20 %, в Финляндии – 30 %, в Германии – 35 %, то в России менее 1 %. Доля США на мировом рынке наукоемкой продукции составляет 36 %, Японии – 30 %, Германии – 16 %, а России лишь 0,3 % [8]. И это при том, что по числу ученых Россия находится на третьем месте в мире. Доля затрат на технологические инновации в стоимости промышленной продукции в России составляет чуть более 1 %, в Германии – 5 %. Интегральным показателем, отражающим доминирующий уровень используемых в стране высоких технологий, является энергоемкость экономики. По этому показателю Россия к 2012 г. уступала США, Германии, Франции и Великобритании более чем в четыре раза [4]. Оценивая инновационную активность России, приходится констатировать ее явное отставание от уровня инновационного развития ведущих мировых держав, что ставит страну в серьезную зависимость от импорта наукоемких товаров и технологий.

На этом основании можно утверждать, что базисные экономические институты России находятся в разбалансированном состоянии. Вне всякого сомнения, ответственность за сложившуюся ситуацию лежит на государстве, поскольку в экономически развитых странах как раз государство выступает институциональным инноватором.

Все факты и явления нашей современной действительности с неопровержимостью говорят о том, что российский капитал никакой ответственности за свою страну не несет. Все те небольшие позитивные изменения в экономике, которые произошли в последние годы, достигнуты исключительно за счет немонополизированного капитала и масштабных государственных вложений (не обращаем внимания на приоритетные направления этих инвестиций), то есть за счет народа.

Обсуждая этот вопрос, нельзя не сослаться на фигурантов «золотой сотни» российских богачей, регулярно публикуемой журналом «Forbes». Согласно ему ключевые позиции в российской экономике принадлежат

36 миллиардерам, в руках которых находится капитал, составляющий 25 % ВВП страны. Такого нет нигде в мире.

Варварские формы эксплуатации труда и способы накопления капитала позволяют нашему олигархическому бизнесу необычайно высоко поднять планку нормы прибавочной стоимости. Согласно нашим приблизительным расчетам норма прибавочной стоимости в российской экономике перевалила за 100 %, что свидетельствует о присвоении большей части национального дохода. Сравнимая аналогичные данные экономики США, можно сделать заключение о пиратском характере российского капитализма, свойственном «банановым» республикам. Не менее вопиющи данные об использовании прибавочной стоимости. Величина прибыли, которую российские собственники тратят на собственные нужды, составляет 12 % от ВВП. В США этот показатель составляет лишь 5 %, при этом следует учесть, что в силу широкого распространения акционерного капитала только часть этой суммы идет капиталистическому классу.

О грабительском характере российского капитализма свидетельствует и нерациональное строение органического капитала. При кажущейся близости цифр России и США качественная структура разительна: в США мы обнаруживаем понижательные тенденции во втором подразделении, а у нас – наоборот. Если мы обратимся к первоисточникам, то обнаружим, что вывод относительно опережающих темпов роста первого подразделения был сделан для условий домонополистического капитализма. В.И. Ленин не распространял его на все стадии развития капиталистической формации. Таким образом, вырисовывается удивительная вещь – оказывается, современная Россия опирается на отношения домонополистического капитализма.

Вся имеющаяся статистика демонстрирует одно и то же: обогащение на одном социальном полюсе и растущее обнищание на другом.

Между тем частная собственность утвердилась на Западе и получила признание, потому что служит не только личному, но и общему благу. Нам кажется, что если мы бу-

дем связывать свои надежды на модернизацию нашей экономики с теми, кто интересуется не интересами страны, а только ее ресурсами, то ситуация к лучшему не изменится. В современной России фундаментом модернизации выступает общество, созданное по схеме советского проекта. Тем не менее во многих российских компаниях инновационный процесс развивается более быстрыми темпами, нежели на Западе. Другое дело, что предпосылок лидерства в этой сфере у нас нет. Однако имеется задел для выравнивания ситуации.

Для решения проблемы инновационного развития требуется искать новые институциональные формы. В нынешней ситуации, когда Россия оказалась под гнетом санкций, упор в развитии инноваций только на частнокапиталистический сектор бесперспективен из-за его незаинтересованности в долгосрочных инвестициях и чуждости финансово-кредитных институтов. Поэтому особое значение приобретает политика государства в целом, отдельных его экономических и политических институтов в формировании конкурентоспособных вертикально интегрированных корпораций. При наличии определенных заделов в использовании инновационного потенциала военно-промышленного комплекса представляется возможным сформировать механизм форсированного развития машиностроительной индустрии, обеспечить на его базе производство продукции двойного назначения, создать банк новейших технологий, сформировать, наконец, основу для развития малого и среднего предпринимательства как носителей инновационного потенциала. Принципиальными моментами являются формирование нового образовательного уровня населения, восстановление и приумножение утраченного за годы реформ мотивационного потенциала.

Необходимо перейти от обсуждения к формированию и реализации программы новой индустриализации как базиса для инноваций. В отличие от предыдущей, новая индустриализация воплощает более высокую ступень развития, базой которой является уже не электрификация, а автоматизация и даже роботизация производственных про-

цессов. В процессе ее осуществления качественные преобразования должна получить человеческая деятельность – система машин, вытесняя человека в стандартных технологических операциях, способна предоставить ему растущую массу времени для творчества. На этой основе не только должны преобразиться характер общественного труда, его структура и распределение, но и наука – перерасти в непосредственную производительную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальный индекс инноваций 2013 года. – М. : Центр гуманитарных технологий, 2014.
2. Дети реформ / под ред. Н. М. Римашевской. – М. : Институт экономических стратегий, 2011. – 304 с.
3. Кара-Мурза, С. Советская цивилизация: от начала до наших дней / С. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2008. – 1200 с.
4. Климова, Г. Н. Универсальный показатель энергетической эффективности / Г. Н. Климова, В. В. Литвак // *Фундаментальные исследования*. – 2012. – № 11 (5). – С. 1190–1194.
5. Национальные счета России в 2006–2013 годах : стат. сб. / Росстат. – М., 2014.
6. Николаев, И. Национальное богатство за 10 лет: минус 3 % / И. Николаев, О. Точилкина, Т. Марченко // *Ведомости*. – 2014. – № 27.
7. Россия в цифрах. 2014 : краткий стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 558 с.
8. Сидоров, В. А. Роль человеческого капитала в инновационном развитии России / В. А. Сидоров, А. В. Трубников // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 14. – С. 78–81. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/14/economics/sidorov-trubnikov.pdf. – Загл. с экрана.
9. Смелова, О. В. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике / О. В. Смелова // *Евразийский международный научно-аналитический журнал*. – 2012. – № 3. – С. 16–19.
10. Becker, G. S. *Human Capital. Theoretical and Empirical Analysis* / G. S. Becker. – N. Y. : Columbia University Press, 1964. – 268 p.
11. United Nations Development Program. *Human Development Reports*. – Electronic text data. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/2014-report>. – Title from screen.
12. World Population Prospects : The 2012 Revision. – Electronic text data. – Mode of access: <http://esa.org/unpd/wpp/index.htm>. – Title from screen.

REFERENCES

1. *Globalnyy indeks innovatsiy 2013 goda* [Global Index of Innovations of 2013]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2014.
2. Rimashevskaya N.M., ed. *Deti reform* [Children of Reforms]. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategiy, 2011. 304 p.
3. Kara-Murza S. *Sovetskaya tsivilizatsiya: ot nachala do nashikh dnei* [Soviet Civilization: From the Beginning up to Nowadays]. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 1200 p.
4. Klimova G.N., Litvak V.V. *Universalnyy pokazatel energeticheskoy effektivnosti* [Universal Indicator of Power Efficiency]. *Fundamentalnye issledovaniya*, 2012, no. 11 (5), pp. 1190-1194.
5. *Natsionalnye scheta Rossii v 2006-2013 godakh: stat. sb.* [National Accounts of Russia in 2006-2013: Statistical Collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2014.
6. Nikolaev I., Tochilkina O., Marchenko T. *Natsionalnoe bogatstvo za 10 let: minus 3%* [National Wealth for 10 Years: Minus 3 %]. *Vedomosti*, 2014, May 27.
7. *Rossiia v tsifrakh. 2014: kratkiy stat. sb.* [Russia in Figures. 2014: Short Statistical Collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2014. 558 p.
8. Sidorov V.A., Trubnikov A.V. *Rol chelovecheskogo kapitala v innovatsionnom razvitii Rossii* [The Role of Human Capital in Innovative Development of Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 14, pp. 78-81. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/14/economics/sidorov-trubnikov.pdf.
9. Smelova O.V. *Problemy modernizatsii i perekhoda k innovatsionnoy ekonomike* [Problems of Modernization and Transition to Innovative Economy]. *Evraziyskiy mezhdunarodnyy nauchno-analiticheskiy zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 16-19.
10. Becker G.S. *Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis*. New York, Columbia University Press, 1964.
11. *United Nations Development Program. Human Development Reports*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/2014-report>.
12. *World Population Prospects: The 2012 Revision*. Available at: <http://esa.org/unpd/wpp/index.htm>.

**MODERNIZATION BREAKTHROUGH:
SEARCH FOR INNOVATIONS AT THE COMPRADOR MARKET**

Sidorov Viktor Aleksandrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Theoretical Economy,
Kuban State University
sidksu@mail.ru
Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation

Bolik Anastasiya Viktorovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economic Theory,
Kuban State Technological University
kafecon@kubsu.ru
Moskovskaya St., 2, 350072 Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Formation of the economy based on a new technological basis, a new cycle of scientific and technical progress, suggests the involvement of the innovative development factors. Among these new techniques we should mention technology, organization and motivation of labor, qualified labor force, management innovation, intellectual potential. This, in turn, implies broad development of inventions, the appearance of the pioneer and major inventions, the formation of innovation as well as their distribution. The article deals with the problem of the susceptibility of the Russian economy to innovative production methods. The authors examine the socio-economic background of modernization of the national economy. It is proved that the human capital plays special role in the use, development and coordination of innovative growth factors. The problems of formation and development of human capital in modern Russia are discussed. The necessity of forming and analyzing the indicators of social capital in the country, which takes into account the socio-political stability, law and order, protection from corruption, income differentiation, mutual trust. A critical analysis of the most important indicators of innovation activity of enterprises, allows to identify the factors that promote and prevent its increase. It is proved that a low level of innovation activity of enterprises due to inadequate funding of science and education, and the sharp differences in income inequality hamper the development of the infrastructure of the innovation process. The authors disclose the role of start-ups, as an effective framework for the implementation of innovations and objectify the parameters of economic growth suggesting to concentrate resources on innovation.

Key words: business, innovations, modernization, infrastructure, economic growth, income.